

СТРАЖИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ

ЮРИЙ ОКУНЁВ

СТРАЖИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЙ

ЮРИЙ ОКУНОВ

БОСТОН • 2022 • BOSTON

ЮРИЙ ОКУНЕВ: Стражи забытых предостережений
YURI OKUNEV: Guardians of Forgotten Warnings
(Strazhi zabytykh predosterezhenii)

Copyright © 2022 by Yuri Okunev

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319831

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🖥 mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2022

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2022

На обложке использована картина Самуила Бака (Samuel Bak)
«Guardian of Suspended Warnings».

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов
русского языка ВАИ™ (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
-------------------------------------	----------

ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА

Некто Розинер — Excelsior!	17
Холодно-любезный писатель и его роман о любви	39
Кафкианский процесс	48
Гений, удушенный в подворотне	62
Симфония XX века	87

ХОЛОКОСТ, АНТИСЕМИТИЗМ, СИОНИЗМ

Нравственный тест Бабьего Яра	103
Чудо в трагической оболочке	124
Портрет знаменитого раввина Любавичей — родины Хабада	142
Польский синдром — антисемитизм без евреев	151
График уровня советского государственного антисемитизма	162
Антисионизм как высшая стадия антисемитизма	166
Шестидневный аккорд истории Библиейского масштаба	196

КОСМОНАВТИКА, НАУКА, РЕЛИГИЯ

Лунная Одиссея или почему Советский Союз проиграл Америке схватку за Луну	229
Принстонские образы: Эйнштейн—физика—религия—еврейство	266
Две удивительные встречи с NTSC	283
Солнечный человек у истоков цифровой радиосвязи . .	287
Один из основателей цифровой обработки сигнала . . .	304

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Дорога к рабству	313
Призрак бродит по Америка — призрак Чемберлена . .	323
Иран будет иметь бомбу	333
Богиня Аврора в белоснежном платье по локоть в крови	336
Вечная мерзлота	347
Старческая болезнь левизны в либерализме: анамнез . .	356
Ссылный небожитель	369

ОБ АВТОРЕ	393
----------------------------	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Заметив в последнее время, как часто по просьбе читателей приходится обращаться к прежним публикациям на темы литературы, истории, науки и общественных движений, решился я издать этот сборник. Его название навеяно впечатлением от картины современного художника Самуила Бака «Guardian of Suspended Warnings» (буквально — «Страж приостановленных предупреждений»), фрагмент которой помещен на обложку.

Герои включенных в книгу очерков представляются автору стражами забытых предостережений. Своим творчеством, а подчас и своей нелегкой судьбой они напоминают потомкам о трагических ошибках-предостережениях прошлого. Стражи вынуждают вспомнить об опасности забвения совершенных преступлений, о тяжелых и подчас непоправимых последствиях позиции неведения — нежелания вникать в трагические события и заблуждения прошлого. Они заставляют задуматься «по ком звонит колокол»!

Включенные в книгу произведения написаны в XXI веке, но тематика и сюжеты большинства из них относятся к событиям и персонажам XX века. Вступив в XXI век с грузом опыта, тревог и забот предыдущего века, человек оказался на перепутье: какую дорогу в будущее выбрать? Оглядываясь назад, подчас в состоянии сомнений и колебаний, он решает, что следует непременно взять из прошлого с собой, а что решительно отбросить — таковы неявная канва и подспудная цель авторских размышлений в этом сборнике.

В целом жанр представленных произведений я поначалу определил словом «публицистика», но потом подумал, что такое название будет напоминать набившие оскомину «произведения о злободневных вопросах жизни общества», в то время как, на самом деле, здесь в основном говорится о непреходящем. Веро-

ятно, все это можно было бы назвать очерками, однако, слово «очерк» прочно ассоциируется с «небольшим произведением, содержащим описание реальных фактов и лиц», а подчас — просто с газетной статьей. Это, конечно, не то, и слово «очерк» в таком понимании никак не охватывает многое из написанного, даже с уточняющими эпитетами «исторический», «социологический» и т.п. — все равно за бортом остаются размышления и доверительные авторские сомнения, образы и ассоциации...

По-видимому, более подходящим является отнесение произведений данного сборника к эссеистике. В русском языке слово «эссе», французского происхождения (*essai*), считается синонимом слова «очерк», а английское слово «essay» переводится либо как «очерк», либо как «опыт». Тем не менее между эссе и очерком существуют отличительные нюансы — эссе предполагает обширный очерк, «трактующий литературные, исторические, нравственные и прочие темы не в систематическом научном виде, а в свободной форме». Иными словами, эссе — это, как правило, художественный очерк, и именно в таком понимании будет применяться этот привычный термин «очерк».

Как видно из оглавления, представленные в книге очерки сгруппированы в четыре раздела по их тематике, определяемой названием раздела. Остается лишь добавить некоторые комментарии к тематике очерков и их размещению в разделах этого сборника.

В раздел «Литература, музыка» включены размышления о творческой судьбе писателей Феликса Розинера, Владимира Жаботинского, Франца Кафки и Василия Гроссмана, так или иначе «зацепившей» автора. На фоне известных и малоизвестных обстоятельств жизни этих писателей в очерках приводятся догадки о скрытых истоках и пророческом смысле их воистину великих романов... Дополнительной мотивацией служило то печальное обстоятельство, что творчество этих писателей остается недооцененным, а в ряде случаев даже злонамеренно замалчивается. Эмоциональный градус повествования в этом разделе достигает максимума в очерке о Седьмой (Ленинградской) симфонии Дмитрия Шостаковича, которая является не только музыкальным шедевром и ключом к пониманию симфонической культуры XX века, но и мистическим, пророческим явлением мирового искусства, сыгравшим важную роль в истории Второй мировой войны.

Содержание второго раздела сборника ясно из его названия «Холокост, антисемитизм, сионизм».

Первые два очерка этого раздела представляют собой размышления о страшных трагедиях еврейского народа в Киеве и белорусском местечке Любавичи во время Второй мировой войны. Внимание читателей фокусируется на активном участии местного, так называемого «коренного» населения в уничтожении евреев, подчас бездарно и подло маскируемом современными «историками», равно как и на безнравственных истоках этих злодеяний и исторической ответственности за них. Очерк «Чудо в трагической оболочке» о Любавичах дополняется рассказом о том, как был найден портрет последнего раввина этого местечка. Очерк «Польский синдром — антисемитизм без евреев» основан на воспоминаниях свидетеля преступлений нацистов и их добровольных помощников в Польше во времена Второй мировой войны и до неё — он продолжает размышления об исторической ответственности народов за мрачные страницы своей собственной истории.

Краткая заметка «График уровня советского государственного антисемитизма» служит прелюдией к очерку «Антисионизм как высшая стадия антисемитизма», где подробно рассматривается эволюция старого замшелого антисемитизма в современную антиссионистскую идеологию. Антисемитизм, как хорошо известно, вечен, ибо его истоки, закрепленные многотысячелетним юдофобством на генетическом уровне, лежат в языческой природе человечества, упорно отторгающей библейские нравственные законы (об этом очень подробно написано в книге автора «Ось всемирной истории»). Однако после чудовищных преступлений против евреев в годы Второй мировой войны в Западном мире стало немодным и даже позорным слыть антисемитом, а в бывшем Советском Союзе открытый антисемитизм противоречил официальной интернациональной доктрине правящей компартии. Вследствие этого традиционный зоологический антисемитизм вынужден был искать новую «форму и содержание». Поколебавшись некоторое время, он нашел выход в присвоении сионизму роли того козла отпущения, которым прежде служили простые евреи, не имевшие своего даже крошечного государства. Поддержанная гигантским исламским миром, эта «конструктивная» каннибальская идея воплощается ныне в антисионизме, в котором антисемитизм нашел выход своей злобе и достиг высшей точки развития.

Автору не хотелось ставить точку в данном разделе книги на мракобесной идее антисионизма. Поэтому раздел завершается мощным оптимистическим финалом — очерком «Шестидневный аккорд истории Библейского масштаба», составленным по публикациям израильских историков и воспоминаниям очевидцев и участников Шестидневной войны 1967 года. В очерке эта историческая победа еврейского народа над силами мирового зла противопоставляется унылому скулежу западных либералов, претендующих на роль миротворцев, равно как и их израильских леволиберальных поделльников, на тему несправедливости действий израильской армии во времена той гигантской и смертельной схватки.

Раздел «Космонавтика, наука, религия» открывается большим очерком с полувопросительным названием «Почему Советский Союз проиграл Америке схватку за Луну». Хорошо известно, что Советский Союз лидировал с большим отрывом в ракетно-космической технике до середины 1960-х годов. Поначалу он опережал США и в подготовке высадки человека на Луну — величайшем технологическом проекте XX века, в котором участвовали до одного миллиона советских ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих и военных специалистов, создавших среди прочего самую большую и самую мощную в истории мировой техники ракету — лунную ракету Носитель-1. И тем не менее в конце тех же 60-х советский Лунный проект окончился чудовищным техническим провалом. Истинные, отнюдь не технические причины этого провала до сих пор замалчиваются и всячески замазываются так, что со временем остается все меньше людей, знающих правду, вместо которой людям рассказываются космические побасенки под густым победным камуфляжным слоем.

Второй очерк этого раздела «Принстонские образы» посвящен взглядам Альберта Эйнштейна на религию и еврейство. В бывшем Советском Союзе упорно культивировалось представление об атеизме великого ученого и его равнодушном отношении к сионизму и государству Израиль. Это совсем не так... Взгляды Эйнштейна на религию и сущность Бога вытекали из его представлений об ограниченности возможностей человеческого разума, которому, по его словам, «доступны только примитивные формы познания глубочайших корней и лучезарной красоты сущего». В наше время подобный взгляд приобретает все более

определенные очертания в исследованиях взаимопроникновения религии и науки. Не менее интересна поддержка великим ученым государства Израиль, равно как и его возвышенные слова о сионизме, к которым следовало бы прислушаться нынешним хулителям этого движения мировой истории, предсказанного в Библии.

Небольшой очерк с едва ли не мистическим сюжетом под названием «Две удивительные встречи с NTSC» предваряет заключительную часть этого раздела сборника: воспоминания автора о своих учителях и друзьях — выдающихся ученых, которые стояли у истоков цифровой обработки сигналов (ЦОС) и цифровой радиосвязи. В наше время цифровая радиосвязь, в основе которой лежит ЦОС, стала общедоступным бытовым удобством для всех людей от малолетних детей до стариков, а слово «цифровой» только ленивый не использует в своем бытовом лексиконе. Воспоминания о людях, стоявших у истоков этих величайших технологических достижений XX века, наверное, многим будут интересны. Тем более, что их жизни и судьбы — ярчайшая иллюстрация трагических и вместе с тем вдохновенных прорывных событий эпохи «бури и натиска» прошлого века.

В последнем разделе «Человек и общество» собраны очень разные по тематике очерки, которые, однако, объединяет интерес к общественным движениям в их взаимосвязи с людскими судьбами.

В очерке «Дорога в рабство» предпринимается попытка ответить на вопрос: «Правда ли, что современные люди ставят свободу на достаточно высокое место в системе своих ценностей?» Увы, масса людей в разных уголках планеты добровольно выбирают путь рабства для себя и своих детей. Свободе выбора и независимости, равно как и личной ответственности за свою судьбу и благополучие своих близких, они предпочитают патронаж государства, напряженному производительному труду свободного индивидуума — коллективное иждивенчество за счет общественных и государственных фондов, легендарной американской мечте — унылое, но относительно сытое прозябание под крышей профсоюза, творческой фантазии и предпринимательскому риску — жизнь за счет государственных дотаций и пособий от пеленок до гробовой доски... Весь этот набор предпочтений современного населения планеты, определенно, но не всегда явно ведущих отнюдь не к свободе, а, напротив, к рабству, имеет

одно общее определяющее и объединяющее название — социализм. В очерке прослеживаются волны социалистического потока, постепенно накрывающего Европу и Америку. Количество людей, пытающихся за счет других пренебречь обязанностью трудиться, становится пугающе огромным. И, увы, никто не знает, когда наступит точка невозврата — точка, в которой у капиталистического Атланта дрогнут колени и человеческая цивилизация рухнет под непосильным социалистическим бременем, ибо слишком мало останется в ней людей, способных и готовых на тяжкий труд ради свободы...

В очерке «Призрак бродит по Америке — призрак Чемберлена» рассматривается современное «миротворчество» — безнравственные и преступные попытки умиротворения вопиющего и необратимого зла. Эта тема развивается в очерке «Иран будет иметь бомбу», где делается попытка объяснить, почему никакие переговоры, договоры и любые невоенные санкции не смогут остановить изготовление атомной бомбы в современном Иране под властью религиозных фанатиков.

Очерк «Богиня Аврора в белоснежном платье по локоть в крови» посвящен 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции и судьбам людей, безоговорочно поверивших в ее историческую справедливость. Очерк «Вечная мерзлота» продолжает тему обманутого поколения советских людей, чьи лучшие годы жизни были отданы служению режиму и идеям, которые оказались абсолютным злом и гнусным обманом. Обманутое поколение осталось таким, каким оно было в сталинские времена — вечная мерзлота его мировоззрения не растаяла ни от хрущевской оттепели, ни от лучей беспощадной правды, пришедшей с диссидентским движением шестидесятников. Многие люди этого поколения не сумели преодолеть страх перед осознанием ложности прожитой жизни.

В большом очерке «Старческая болезнь левизны в либерализме: анамнез» обсуждается история либерализма и его мимикрии в современный лево-социалистический тренд. Если во времена классического либерализма типичный либерал был сторонником капитализма, то в наше время типичный левый либерал почти неотличим от социалиста. В очерке делается попытка выявить истоки и симптомы тяжелой болезни левизны, в которой пребывает современное либеральное движение.

Последний очерк сборника под названием «Ссылный небожитель» — возвышенная повесть о трагической судьбе необык-

новенно талантливого человека в тисках бесчеловечного тоталитарного режима, история короткой яркой жизни, предсказанная замечательными, воистину пророческими поэтическими строками.

Автор надеется, что читатель найдет в этой книге интересные для себя и своих близких темы и сюжеты.

Век XX был самым жестоким и кровавым в истории человечества, но он же был временем невиданных в истории достижений культуры, науки и технологии. Как взять и развить эти достижения прошлого века, не повторив его трагических ошибок и бесчеловечных заблуждений? Вот в чем вопрос, и едва ли найдется человек XXI века, которого бы этот вопрос не касался...

Если автору удалось хотя бы отчасти, хотя бы в малой мере ответить на него, то в этом бесценная заслуга его близких и друзей, которые на всех этапах работы — от сбора материалов до публикации очерков — поддерживали автора и помогали ему. Спасибо им за это огромное!

Хочу отдельно поблагодарить Михаила Минаева за помощь в издании книги, Дмитрия Капитонова за вклад в коррекцию текста и Игоря Мандела за подсказку сюжета обложки книги.

Литература
Музыка

НЕКТО РОЗИНЕР — EXCELSIOR!

*Тропой альпийской в снег и мрак
Шел юноша, державший стяг.
И стяг в ночи сиял, как днем,
И странный был девиз на нем:
Excelsior!*

Генри Лонгфелло

Осенью 2016-го года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Феликса Яковлевича Розинера, а весной 2017-го года — 20 лет со дня его смерти. Для меня, старого поклонника творчества этого писателя, две даты 80 и 20, конечно, были заранее известны и ожидаемы. Удивительным оказалось то, что к этим круглым датам жизни Феликса Розинера добавились круглые даты его творческой судьбы — 40 лет машинописной рукописи романа «Некто Финкельмайер», 35 лет первого издания романа в Англии, 30 лет повести «Лиловый дым», 20 лет издания в России романа «Ахилл бегущий» и избранных повестей и рассказов писателя. Кроме того, можно считать, что 25 лет назад роман «Некто Финкельмайер» стал, наконец-то, доступен широкому российскому читателю. Вот такой карнавал цифр, связанных с жизнью и творчеством Феликса Розинера: 80, 40, 35, 30, 25, 20.

Феликс Розинер родился 17 сентября 1936 года в Москве. Его рождение было на самом деле завершающим звеном удивительной, почти невероятной семейной саги, в которой уходящая в бездонный колодец прошлого цепочка поколений ведет сначала к мудрецам польско-литовской ешивы, потом к знаменитым раввинам Венеции и Падуи и, наконец, уводит в средневековый немецкий город Katzenelnbogen в прирейнской области вблизи Майнца, откуда и пошла первая родовая фамилия их

предков — Каценелинбойген. У истоков семейного древа Розинеров был крупный общественный деятель Речи Посполитой Саул Каценелинбойген, вошедший в историю под именем Саул (Шалль) Валь (1541–1617). Через полтора столетия после его смерти когда-то могущественная Речь Посполитая была уничтожена, и вследствие трех разделов Польши предки Розинеров стали подданными Российской империи — жителями черты еврейской оседлости. В феврале 1917-го года они были уравнены в правах со всеми другими народами России, а после октября 1917-го стали гражданами СССР, столь же бесправными, как и все население советской империи.

Родители Феликса познакомились в 20-х годах XX века в Палестине, куда уехали из России после революции. Там они стали коммунистами и вернулись в СССР, чтобы строить первое в мире государство рабочих и крестьян. Отец Феликса окончил Бауманское училище, стал известным специалистом по литейному производству и вплоть до пенсии работал на Московском автозаводе. Мать Феликса многие годы работала на Московском шарикоподшипниковом заводе. Они прошли несколько кругов советского ада — нищую жизнь в коммуналке, невзгоды эвакуации, преследование за связь с сионизмом, антисемитские кампании времен борьбы с космополитизмом и Дела врачей, исключение из партии, увольнение с работы, арест и Бутырскую тюрьму. За год до ареста матери писателя органами НКВД родители назвали младшего сына именем героя пролетарской революции и основателя этих карательных органов Феликса Дзержинского.

Эта поразительная семейная Одиссея закончилась столь же необыкновенно и возвышенно, как и началась, — родители Феликса уехали умирать на родину своих далеких предков в Израиль, где ныне живут их внук, правнук, правнучка и пра-правнучка. Но главное — их сын стал выдающимся русским писателем.

Феликс окончил Московский полиграфический институт в 1958 году, женился на своей сокурснице Людмиле — в 1962 году у них родился сын Володя. Жили тогда Феликс и Людмила на окраине Москвы в малогабаритной советской «хрущевке», работали вместе в Акустическом институте. Однако научная и инженерная карьера мало привлекала будущего писателя, хотя по воспоминаниям он обладал незаурядными изобретательностью и технической смекалкой. Годы работы в Акустическом институте были для Феликса годами поисков своего места в искусстве и своего пути в литературе. Выбор оказался нелегким, если учесть раз-

нообразии талантов, которые впоследствии столь ярко проявились в этом человеке — он оставил заметный след в искусствоведении и музыковедении, в поэзии и художественной прозе, в историко-мемуарной эссеистике и даже в бардовской песне...

В те годы поисков Феликс учился в консерватории по классу скрипки и посещал литературное объединение, где заявил себя незаурядным поэтом.

Писатель Раиса Сильвер вспоминает:

Я познакомилась с Феликсом в начале 1960-х в московском литобъединении «Знамя строителей». Из клуба вышло немало известных писателей и поэтов, но тогда выделялись несколько человек, аристократия — среди них, конечно, Розинер. Феликс был приятным, немножко насмешливым и весьма ироничным в разговоре молодым человеком лет двадцати пяти. Как-то мы вышли из клуба вместе — неожиданно выяснилось, что живем мы буквально в соседних домах на далекой окраине Москвы в поселке ЗИЛ (это теперь район вблизи станции метро «Каховская»). Поселок тогда застраивался унылыми пятиэтажками, «хрущевками». В одной из них, в двухкомнатной квартирке жил Феликс с женой Людмилой и маленьким сыном Володей. Жили они скромно, пожалуй, даже скудно, как и все инженеры тех времен — нищенская зарплата, шестидневная рабочая неделя, поездки на работу в переполненных трамваях и автобусах, домашние заботы... Я бывала у них, иногда мы вместе справляли праздники, дни рождения. Припоминаю, что Феликс любил и хорошо знал музыку, неплохо играл на скрипке — позднее он оставил инженерную работу и переквалифицировался в музыкального критика. В доме Феликса собирались интересные люди — вероятно, это был прообраз Прибежища, описанного в «Финкельмайере». Феликс был легок на подъем, любил путешествовать, узнавать что-то новое...

Писатель Лариса Миллер, как и Раиса Сильвер, познакомилась с Феликсом Розинером в литобъединении, которое собиралось на Сретенке в Даевом переулке:

Однажды на литобъединении появился ироничный, остроумный и доброжелательный молодой человек. Он всегда

впазд и совершенно беззлобно комментировал происходящее, а когда смеялся, снимал очки и вытирал слезы. «Можно мне показать Вам мои стихи?» — спросила я, подойдя к нему впервые. «Да, конечно, — с готовностью отозвался он. — Приезжайте в воскресенье». — «А можно приехать с мужем?» Молодой человек засмеялся: «Приезжайте с кем хотите». Так началась моя дружба с Феликсом Розинером, поэтом, прозаиком, музыковедом. Феликс обладал замечательным свойством внимательно и заинтересованно слушать чужие стихи, думать над ними, говорить о них. Благодаря ему, я перестала слишком уплотнять строку, в стихах появился воздух. Феликс читал все, что я писала. Лишь одобренные им строки получали право считаться стихами. Он являлся как бы моим ОТК. «Казнит или милует?» — гадала я, отправляясь к нему с очередной порцией стихов. И если «милува», летела домой на крыльях, а если «казнил», то еле ползла. Так и жила, раскачиваясь на гигантских качелях «между жизнью лучшей самой и совсем невыносимой».

Интерес к музыке поначалу, казалось, перевешивал поэтические устремления Феликса. Меня в свое время поразило одно восхитительно эмоциональное воспоминание выдающегося эссеиста Азария Мессерера, близко знавшего Феликса Розинера:

Известно, что Феликс играл на скрипке, но немногие помнят удивительный факт — он сам изготовил себе скрипку, прочитав книги о знаменитых скрипичных мастерах и об их секретах в изготовлении инструментов. Феликс и дня не мог прожить без музыки. Он прекрасно знал не только классиков, но и современных композиторов, особенно Альфреда Шнитке, с которым дружил. Феликс также обожал романсы и хорошо пел их своим красивым баритоном. Он записал на пленку много сочиненных им песен, легко запоминающихся и нередко цитируемых его друзьями. Я обязательно беру в любое путешествие его диск, но слушаю его, только когда за рулем сидит кто-нибудь другой, — боюсь, что слезы будут застилать глаза...

В результате творческих поисков своего пути Феликс в 1967 году уходит из Акустического института и становится профессиональным музыкальным критиком. Первая его опубли-

Феликс Розинер времен сочинения романа «Некто Финкельмайер»

кованная работа в этой области — запись мемуаров знаменитого дирижёра Юрия Файера, вышедшая в России двумя изданиями. Музыка, книги о музыке и музыкантах становятся постоянной составляющей жизни и творчества Феликса Розинера, но постепенно в его воображении вызревают образы людей и времени, в котором он жил, требовавшие масштабного художественного воплощения.

В начале 1970-х годов Феликс напряженно работает над грандиозным романом о судьбе творческой интеллигенции в тоталитарном государстве. В 1975 году он заканчивает этот роман, вошедший в русскую литературу под названием «Некто Финкельмайер».

Людмила Левит, первая жена писателя, живущая ныне в Реховоте в Израиле, рассказывает о временах вызревания и создания романа «Некто Финкельмайер»:

Почти все 60-е годы — с 1962-го, когда родился Володя, и до 1969-го, когда мы с Феликсом расстались, — мы жили на окраине Москвы, которая тогда называлась «поселок ЗИЛ».

К этому времени относится основное действие романа, но тогда его замысла еще не было, хотя, наверное, в голове Феликса накапливался нужный материал, ведь у нас в квартире часто собирались очень интересные люди — наши друзья. Думаю, однако, что прообразом Прибежища (вымышленное место встречи героев романа «Некто Финкельмайер» — *Ю. О.*) являются, скорее, не сборища у нас дома, а регулярные встречи молодых еще не печатавшихся поэтов у Бориса Николаевича Симолина на Арбате. Борис Николаевич был искусствоведом, преподавал не только в ГИТИСе, но и в театральных училищах — Щукинском и МХАТа. Он оказал на Феликса очень сильное влияние, а герой романа Леопольд Михайлович — точный портрет Бориса Николаевича.

Где-то в 1973–74 годах мне довелось быть кем-то вроде издательского корректора романа «Некто Финкельмайер»: Феликс передавал мне машинописную рукопись, а я со всем тщанием выискивала описки, знаки препинания и т.п.

Вспоминаю, что роман в свое время буквально ошеломил читателей невероятной стержневой темой столкновения с реальной жизнью гениального поэта, вынужденного сочинять и публиковать свои произведения от имени другого человека. Роман раскрыл на уровне гротеска, на уровне кафкианского абсурда ужасающую гниль и моральное разложение Совка. Феликс Розинер, насколько я помню, первым нарушил совковую традицию избегать в печати явных еврейских имен, присвоив своему главному герою имя, отчество и фамилию, имевшие в советской языковой практике, по словам Иосифа Бродского, статус, близкий к «матерно-венерическому», — Аарон-Хаим Менделевич Финкельмайер. Уже само имя главного героя романа было в те годы дерзким вызовом гнусной системе советского государственного антисемитизма, о котором все знали, что он есть, но обязаны были делать вид, что его нет. Образ гениального русского поэта с таким длинным еврейским именем — это было подобно взрыву в чинной гостиной советского социалистического реализма с его лицемерной «дружбой народов».

Писатель Людмила Штерн в очерке о еврействе Иосифа Бродского заметила: «Только евреи знают, как «неуютно» было быть евреем в Советском Союзе». Неуютность эту герой Феликса Розинера познал сполна — со сталинских времен в коммунальном доме-сараяе на окраине Москвы до времен брежневских в сибирском ссыльном лагере. Неуютность эта не раз оборачивалась тяжелыми ударами, которые, однако, Финкельмайер задним числом излагает с мягким юмором — для него советский госантисемитизм есть нечто вроде своеобразного природного явления, подобного промозглой дождливой погоде, явления, которое следует воспринимать как неизбежную данность, а не злой людской умысел. Директор школы, милейший Сидор Николаевич, лишает его Золотой медали по причине указания из Района, что мол, «три золотых у Штерна, Певзнера и этого... как там?... Финкельмайера...», и «мы столько пропустить не можем, одного снимаем». Затем Финкельмайера не принимают в МВТУ, поставив ему тройку за незаурядное сочинение по «Евгению Онегину», которого он знал наизусть от первой до последней строчки. Какие из-

вестные до боли ситуации, какой «знакомый до слез» выверенный событийный ряд!

Служба Финкельмайера в советской армии с многочисленными приключениями из-за его «еврейской рожи» описана в романе с сатирическим блеском на уровне «Приключений храброго солдата Швейка» или «Жизни и необыкновенных приключений солдата Ивана Чонкина». Приключения солдата Аарона-Хаима Финкельмайера, прославившегося сочинением военного марша «Знамя полковое» и популярных броских, ловко рифмованных лозунгов для солдатских сортиров, завершаются блестящей сатирической сценой в издательстве военной литературы! Сотрудники издательства предупредили, что «А.Ефимов» — псевдоним автора, но это ничуть не уменьшило «силу удара, который испытали редакторы, увидев» его самого:

Они согласились бы, чтобы у автора оказалась любая невозможнейшая внешность — хоть одноглазого пирата с кинжалом за поясом, хоть бармалея или старца в чалме, но такого длинноносого верзилу — еврея... Пусть бы за псевдонимом А.Ефимов стоял тысяча первый Иванов; пусть какой-нибудь неблагозвучный Говнюков; пусть бывший граф Толстой или пусть советским военным поэтом стал последний из князей Болдыревых; но военный поэт — Шапиро? Эпштейн? Рубинштейн?!...

— Как у вас настоящая фамилия будет?...

— Рядовой Финкельмайер, товарищ майор!

Наступившая тишина была столь длительной, что девочка-секретарша, соскучившись, начала редко-редко стучать по клавишам машинки.

Когда роман «Некто Финкельмайер» был наконец опубликован, в официальной гостининой советской литературы наступила очень длительная тишина, прерываемая отнюдь не постукиванием девочки-секретарши по клавишам машинки, а зубовым скрежетом тех, кто когда-то мог одним мановением мизинца отлучить от литературы и задвинуть в темный угол забвения всех этих финкельмайеров...

Следует подчеркнуть, что еврейская тема звучит в романе мягко, приглушенно, чаще — отдаленно, лишь в редких случаях выдвигаясь на передний план и никогда не доминируя в его сюжетных коллизиях. Розинер отнюдь не педалирует эту тему,

а, скорее, подает ее незначительной составляющей противостояния интеллигенции и власти, как некую своеобразную советскую приправу к этому противостоянию. В компании русских интеллигентов, к которой примыкает Финкельмайер, вообще не интересуются национальностью своих единомышленников — здесь всё понимают, но как бы считают ниже своего достоинства реагировать на исходящие от режима антисемитские благоглупости.

В центре внимания автора романа обширная картина жизни кружка московских интеллигентов начала 1960-х годов. Время действия романа обозначено довольно четко: конец хрущевской оттепели, время демократических устремлений и надежд советской интеллигенции, получивших название движения «шестидесятников». Эти надежды были окончательно утрачены после знаменитого посещения Никитой Хрущевым выставки художников в декабре 1962 года. Лидер страны охаял работы художников-авангардистов словами «дерьмо», «говно», «мазня», «безобразие»... Герои романа «Некто Финкельмайер» пытались спасти это «безобразие» — работы непризнанных властью художников, и они, естественно, попали под предписанное партийным вождем «выкорчевывание». Автор отнюдь не фокусирует внимание на противостоянии интеллигенции режиму, его герои едва ли не насильственно втягиваются в это противостояние карательными органами самого режима, которым приказано заниматься «выкорчевыванием». В романе абсолютно отсутствует прямая политическая борьба московских интеллигентов с режимом, которую, возможно, ожидают от шестидесятников современные читатели. Их встречи напоминают скорее некие богемные собрания наподобие вечеров петербургской творческой элиты начала XX века в Башне Вячеслава Ив́анова. Описанное в романе Прибежище — это оскверненная советской действительностью, искаженная до гротеска Башня, где роль лидера, вместо блистательного поэта-символиста Вячеслава Ив́анова, выполняет не менее блистательный лектор-эрудит Леопольд Михайлович, бывший официант ресторана «Националь». Феликс Розинер очень точно и выразительно описал постепенную эволюцию этих собраний и ту внутреннюю нравственную пружину, которая толкала людей участвовать в них:

...забавы Прибежища становились от раза к разу серьезнее... в них появилось общее направление, и уж не развлекать, не развлекаться и «кадриться» шли сюда, а шли уже, —

не осознавая того разумом, а как будто одним слухом ушей своих и видением глаз, да еще самым свободным дыханием в свежем воздухе — шли возвыситься, очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами.

Культуролог Марина Хазанова пишет о романе Феликса Розинера:

Книга его не была радостной, но была теплой, доброй, умной... Я сказала Феликсу об этом и о том, что книг о шестидесятых здесь, в эмиграции, достаточно, но они, в основном, о ссорящихся между собой диссидентах, ненависти к власти и о собственном величии. А вот добрых книг почти нет.

Как свидетель протестного движения в СССР 1960–70-х годов, могу добавить: в этом движении были и ненависть к власти, пытавшейся снова загнать народ в «реформированное» подобие сталинского концлагеря, и резкая полемика, и подпольное распространение так называемой «антисоветской литературы», которая была, на самом деле, просто нормальной хорошей литературой, и воистину героические публичные протесты против преступлений режима, и еще многое, без чего не бывает диссидентских движений в тоталитарном обществе. Однако Феликс Розинер тонко уловил главный мотив самой обширной, гуманистической составляющей этого движения — «очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами». Да, это именно так и было — мы собирались в компаниях единомышленников, чтобы очиститься от скверны тошнотворных политзанятий и митингов, «ценных» указаний парткомов и райкомов, от скверны тупой пропаганды в средствах массовой дезинформации и примитивного печатного советского агитпропа. Мы собирались, подобно героям романа Розинера, чтобы подышать свежим воздухом фантома свободы.

Власти предержавшие видели скрытую угрозу в стремлении интеллигенции к свободе — отсюда та упорная охота за, казалось бы, совершенно безобидной группой интеллектуалов Прибежища, закончившаяся, как и следовало ожидать, арестом самого безобидного из всех безобидных — Аарона-Хаима Финкельмайера. Арест Финкельмайера и суд над ним, начиная с публикации грязного доноса в газете и кончая жестоким избиением сразу же после вы-

несения приговора, — всего более 60 страниц текста, — композиционная и художественная вершина романа Феликса Розинера.

На суде больной, голодный, измученный следствием Финкельмайер словно в бреду, едва не теряя сознание, отстраненно участвует в процессе над самим собой, пытается время от времени говорить правду словами простыми, понятными окружающим... После оглашения приговора он впадает в транс, расплывчато видит сквозь туман уходящего сознания своих близких, слышит их мольбы..., и сквозь всю эту мешанину лиц и звуков нисходят к нему чудные поэтические строки... Как он далек от этого мира!..., но конвойный скоро возвращает его к действительности:

Старшина исступленно бил по рукам, — Арон, дико вскрикивая, хватался за дверцы, но старшина размахнулся, — ну, т-твою мать! — и сильно ударил под дых. Арон рухнул на пол.

Роман «Некто Финкельмайер» развивается по нарастающей, держит читателя в напряжении до последней страницы, ни на йоту не теряет набранной высоты. Читатель нетерпеливо ждет развязки, едва сдерживаясь, чтобы не заглянуть в конец, он понимает — так просто, тихо и мирно эта история завершиться не может. И действительно, в сюжете наступает крещендо — страшная, нелепая, но вполне предопределенная гибель главных героев. Поэт умирает от мстительного выстрела Охотника, вознесенного Поэтом на вершину чиновничьей карьеры и литературной славы. Убитый Поэт тонет в далекой сибирской реке накануне своего освобождения, и его мечта о возрождении и маленьком кусочке счастья с любимой женщиной тонет вместе с ним в мерзлой воде — нет Поэту места в этом мире зла, и никогда не удастся ему вписаться в эту бесчеловечную систему, как бы он ни старался подладиться под нее. Пьяный в хлам, счастливый Охотник замерзает под вой сибирской пурги, превращается в снежный холм вместе со своими мечтами о возвращении в естественное состояние простого охотника за пушниной. Вознесенный поначалу на партийно-литературный Олимп, а затем грубо сброшенный с него, он «отомстил» Поэту, но и ему, Охотнику, нет места в этом мире, и ему тоже не удалось вписаться в эту чудовищную систему, несмотря на все старания подладиться под нее...

Писатель Василий Аксенов говорил о романе Розинера:

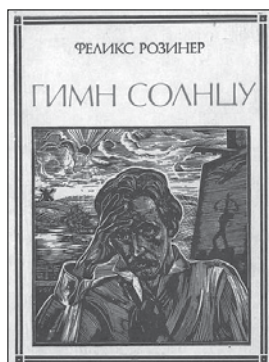

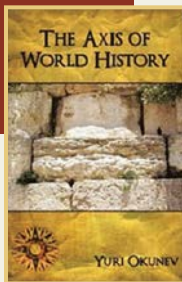
Эта книга — одно из лучших проявлений духовной сущности советских интеллектуалов. Описанные на этих страницах детали их жизни ярко реалистичны, а размышления бьют западного читателя по голове тяжелой сюрреалистической советской дубиной.

Американский писатель Ричард Лурье добавлял:

Поражая интеллектуальной мощью, проза Розинера в то же время захватывает юмором, горечью и эротикой. Однако эта книга не только доставляет удовольствие читателям, но и дает нам свежий и ценный взгляд изнутри на советскую жизнь и искусство.

К моменту написания романа «Некто Финкельмайер» Розинер уже был известен как поэт и автор книг о музыке, о композиторах Григе и Прокофьеве, о художнике Чюрлёнисе. Вот подборка книг Феликса Розинера разных лет о музыке и живописи:

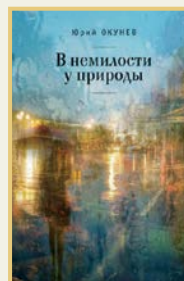

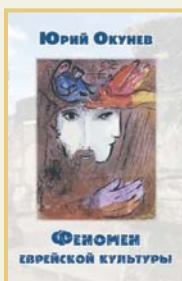
Юрий Окунев — писатель, ученый в области теоретической радиотехники, автор научных монографий, книг историко-публицистического жанра и художественной прозы на русском и английском языках.

Вступив в XXI век с грузом опыта и тревог предыдущего века, человек оказался на перепутье: какую дорогу в будущее выбрать? Что следует непременно взять из прошлого с собой, а что решительно отбросить?

Герои включенных в эту книгу очерков — стражи забытых предостережений — подсказывают правильный выбор. Своим творчеством, а подчас и своей нелёгкой судьбой, они напоминают потомкам о трагических заблуждениях прошлого, предостерегают от повторения прежних ошибок. Заставляют задуматься — «по ком звонит колокол»!

ISBN 978-1-950319-83-1

